

**НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ, АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ**

**ПОСЛАНЕЦ
ФАЭТОНА**

Полковник Гуров

Николай Леонов
Посланец Фэтона

«Научная книга»

2009

Леонов Н. И.

Посланец Фэтона / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2009 — (Полковник Гуров)

© Леонов Н. И., 2009
© Научная книга, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Посланец Фэтона

Пролог

...По ячменному полю, слепя округу пронзительными снопами света фар, шел переживший уже не одну уборочную комбайн сельхозартели «Заречье». Придерживая руль жилистыми, черными от въевшейся смазки руками, комбайнер, уважительно именуемый коллегами Степанычем, внимательно смотрел на густую щетку ячменного массива, который склонялся под лопастями мотовила.

Ощущая крайнюю усталость, накопившуюся за дни уборочной, Степаныч поминутно тер рукой слипающиеся глаза. Его штурвальный уже полчаса как дрых в одной из многочисленных копешек обмолоченной соломы. Впрочем, что возьмешь с пацана, которому всего-то четырнадцать?

Конечно, сейчас что думать про сон, если пошел заработок? Но как же нелегко он дается! Придумал же их директор такую хрень, как работа по шестнадцать часов кряду. Его понять можно – людей мало, а зерно уже начало осыпаться. Но так и платил бы за переработку, как полагается!.. Больше всего Степаныч сейчас опасался уснуть на ходу, упустить руль и уехать куда-нибудь вбок.

Неожиданно сквозь рев и грохот молотилки Степаныч услышал донесшееся откуда-то сверху громкое шипение. Казалось, огромную, раскаленную добела железяку опустили в холодную воду. Непроницаемо-черный полог ночного неба стремительно прочертила ярко-белая полоса, почти отвесно ушедшая за высветившуюся всего на мгновение зубчатую стену лесопосадки. На мгновение Степанычу подумалось, что это ему всего лишь померещилось – с ним такое уже бывало, когда он, сидя за рулем, на ходу видел сны. Но тут же стало ясно, что это самая настоящая явь и не так далеко от их поля нечто необычное грохнулось с ночного неба.

Шедший впереди комбайн звеньевого Хомякова замедлил ход и замер, дверь его кабины распахнулась. Степаныч тоже остановился и не спеша спустился по лесенке.

– Ты видел? – Спрыгнув на землю и достав сигарету, Хомяков указал рукой в сторону Сорочьей балки, куда упал загадочный объект.

– Видел... – кивнул Степаныч. – Ну и что?

– А то, что нам эту хреновину надо бы завтра же разыскать.

– И на кой она? На этот... как его? На гербарий, что ль?..

– Какой гербарий?! – хохотнул Хомяков. – Чему тебя только в школе учили? В гербарий травы собирают, растения. А это – камень, метеорит. Штука очень дорогая, стоящая бешеных бабок.

– Да иди ты! – тоже доставая «беломорину», недоверчиво хмыкнул Степаныч. – И кто ж это за такую чепуху бешеные бабки платить собирается?

– О-хо-хо... Степаныч... – Хомяков досадливо покачал головой. – Колхозник ты – колхозник и есть! Телик надо смотреть, газеты читать. Есть люди, у которых куры денег не клюют. Вот они и скупают всякие диковины. А много ли таких, у кого имеется всамделишный метеорит? Вот то-то и оно! Каждому ж хочется себя крутым показать. Ты вот зачем в нынешнем году свой дом заново перекрасил? Краска старая еще не облезла. А-а-а! Потому что сосед надумал отличиться – разукрасил свою хибару, как... петуха гамбургского. Вот тебя и заело – мол, я-то чем хуже? Так и у них, у буржуев нынешних, то же самое – жаба душит. Кто кого переплюнет...

– Смотри-ка чего!.. – подивился услышанному Степаныч. – И почему они идут, эти метеориты?

– По-разному, – рассудительно обронил Хомяков. – Есть такие, что и по тыще баксов за один грамм. Ну, это какие-то особо редкие. Я-то в них не спец, только что читал про такие вот дела. Да если хоть по десятке долларов дадут за грамм веса, и то – навар обалденный.

– Ну, давай поищем... – Тщательно потушив окуроч, Степаныч неопределенно пожал плечами. – Только где на это время взять? Комбайн-то не бросишь. Сидим же в поле, считай, безвылазно.

– Сделаем так... – Глядя на приближающийся комбайн третьего из их звена, который по непонятным причинам застрял чуть ли в начале загонки, Хомяков тоже потушил окуроч. – Утром я приеду сюда на своем «ижаке». Пусть пацаны покосят без нас, а мы стоняем в сторону Сорочьей. Пару часов порыскаем, авось и надыбаем чего. Только давай так: Веньке – ни слова. Он своей бабе про каждый чих докладывает, а у той язык – как коровий хвост. Мигом по деревне разнесет. Лады?

– Чего стоим? – высунувшись из кабины, недовольно крикнул сквозь шум моторов наконец-то догнавший их Венька Злохин. – Ремонтируемся, что ль?

– Тебя вот ждем, – тоже с нотками недовольства ответил Хомяков. – Стоим и гадаем: все нет и нет его. Куда запропастился?

– Уж думали – не вернуться ли? – внутренне тяготясь необходимостью врать, добавил Степаныч. – Движок, что ль, задурил?

– Да барабан забило, пришлось чистить... – неохотно сообщил Злохин. – Ну ладно, поехали. До конца гона осталось хрен да маленько. Ща зерно сгрузим, сторожу комбайны передадим – и домой. Время-то уже к двенадцати!

– А я собирался еще один круг пройти... – Степаныч пожал плечами. – Надо ж еще Ваську из копен забрать – не оставлять же здесь до утра!

– Да поехали, поехали! – Венька нетерпеливо замахал рукой. – Здесь он, твой «штурман». Вон, с Жоркой на мостике про девок трендят. Поехали!

Вновь во всю мощь заревели моторы, и комбайны устало двинулись к невидимому краю поля, где еле заметно теплились красные огоньки габаритных огней грузовиков.

Наутро, когда над горизонтом еще только начало подниматься холодновато-красное солнце, к месту стоянки в поле, лихо фыркнув мотором, подкатил синий мотоцикл «Иж» с люлькой бог весть когдашнего выпуска. Потягиваясь, с него спрыгнул Хомяков. Вскоре на бортовом «газоне» подъехали остальные члены звена. Осмотрев и подготовив комбайны к работе, Степаныч и Хомяков отправили в загонку своих штурвальных, а сами, оседлав мотоцикл, отправились в сторону Сорочьей балки.

Злохин, которому наскоро сочинили байку про поездку к дальнему роднику за водой (дескать, надоело глотать ржавую муть, которую доставлял водовоз), недовольно хмурясь, с недоверием смотрел вслед подпрыгивающему на кочках мотоциклу. Трескуче выплевывая синий дымок, «Иж» проворно бежал по накатанной полевой дороге. Свежий утренний ветерок ощутимо пробирал через спецовочные куртки. Но Хомяков щедро давал газу, заставляя мотоцикл лететь, как на каком-нибудь ралли.

– А ты уверен, что этот метеорит свалился именно у Сорочьей, а не где-нибудь ближе? – перекрикивая шум ветра и мотора, на всякий случай поинтересовался Степаныч. – Вдруг он где-нибудь тут, в кукурузе валяется?

– Уверен! – безапелляционно уведомил Хомяков. – У меня глазомер – будь здоров. Я в армии два года был артиллерийским наблюдателем. Там как? Где-то огонек мелькнул – тут же должен определить расстояние до него и точные координаты. А иначе пушкарям куда стрелять? Наобум, куда бог пошлет? Так что пусть и плюс-минус двести метров, но направление точное.

Перемахнув через расплзшийся грейдер так и недостроенной дороги, мотоцикл запрыгал на кочках, оставленных коровьими копытами. Здесь волей-неволей скорость пришлось сбавить. Пропрыгав пару километров, «Иж» взлетел на холм, высящийся над всей округой. По

преданиям, под ним был похоронен то ли царь, то ли вождь каких-то древних кочевников, убитый в сражении с ратью русичей. Некоторые местные всезнаи уверяли, будто в недрах холма на большой глубине скрыты несметные сокровища не то скифов, не то печенегов. Вот только как до них добраться, никто сказать не мог.

Сюда как-то раз приезжали на практику студенты губернского университета. Разворотив за лето вершину и бока холма и не найдя ничего, кроме мелких глиняных черепков, осенью отбыли и больше в этих местах не появлялись. Рылись здесь и самодеятельные «археологи», предпочитавшие вести поиски по ночам. Этим тоже удача не улыбнулась, и они быстро утратили к холму всякий интерес.

Достав из сумки охотничий бинокль, Хомяков долго смотрел в сторону Сорочьей балки, которая широкой дугой пролегла через поля и перелески, своим краем проходя вблизи холма.

– Едрит твою медь! – наконец проворчал он, опуская бинокль и протирая пальцами уставшие от напряжения глаза. – Ничего не видно. Если он где-то тут долбанулся, в земле должна быть заметна хоть какая-то выбоина! А тут все чисто – нигде никаких следов.

– А ну, дай я гляну. – Степаныч решительно забрал бинокль. – Может, чего и увижу?

– Да погляди, погляди... – с безнадегой в голосе отмахнулся Хомяков.

Степаныч деловито осмотрел склоны балки, луг, простирающийся на другой ее стороне и, случайно направив бинокль на подножие холма, где сбоку в низине синело мелкое, заболоченное озеро, неожиданно воскликнул:

– О, ты глянь! А это что? Как будто борозда выбита на склоне... Вон, в самом низу.

– Ну-ка, ну-ка, дай гляну! – вновь воодушевился Хомяков, вырывая бинокль. – Выбоина! Точно! Едрит твою медь! Пойдем поглядим, что там за хреновина...

Спотыкаясь, механизаторы спустились с холма и с первого же взгляда поняли – это именно то, что они искали. Там, где уже кончался склон, что-то неведомое, ударившись об землю с огромной силой, выбило в суглинке, поросшем густой травой, вытянутую, довольно длинную, но неглубокую воронку, из которой в разные стороны расплескалась взрыхленная ударом земля. К огорчению искателей, воронка оказалась пуста – образовавший ее камень бесследно исчез.

– Не иначе, нас опередили... – покачав головой, констатировал Степаныч.

– Не-а... – Хомяков категорично мотнул головой. – Вряд ли. Скорее тут знаешь что? Он же по косогору только чиркнул, сразу там отрикошетил и полетел дальше... Ё-п-р-с-т! Как бы не в этот лягушатник попал. Вот будет комедия, если придется лезть в болотину! Водичка-то уже холодновата...

– Постой... Может, на ту сторону перелетел? – осторожно предположил Степаныч. – В трясины-то всегда залезть успеем. Вон, видишь – на той стороне камыши как будто примяты? Давай походим, поглядим...

– Да уж давай порыскаем, – кисло вато согласился Хомяков.

Комбайнеры пошли в разные стороны в обход озера, приминая сбитыми, стоптанными ботинками высокую болотную траву, собирая одеждой обилие всевозможных колючек. Полу-часовые блуждания по камышу, осоке и желтому лягушатнику ничего не дали, и двое вновь вернулись к воронке, вернее, борозде, оставленной небесным камнем.

– Ну что, Степаныч, попробуем нырнуть? – без намека на энтузиазм предложил Хомяков, в глубине души надеясь, что тот категорически откажется.

– Да можно и нырнуть, – неопределенно пожал плечами Степаныч, расстегивая одежду. – Тут, правда, говорят, пиявок кишмя кишит... Ну, ничего, всю кровь не высосут.

Механизаторы разделись до широченных, «семейных» трусов. Покрываясь «гусиной кожей», зябко поеживаясь и погружаясь по колено в черный ил, побрели в пахнущую тиной, уже холодную, почти осеннюю воду. Из-под ног, громко булькая, к поверхности вздымались крупные пузыри болотного газа. Лягушачьи орды испуганно ринулись в разные стороны.

– Ну и холодрыга! – уйдя до подмышек в мутную болотную воду, сердито прокомментировал Хомяков. – Даже лягва помалкивает – на таком ветру не расквакаешься.

Меся ногами пласты ила и раздвигая толщу водорослей, комбайнеры бродили по озерцу, надеясь ощутить под ногой хоть что-то напоминающее камень. Но ступни то и дело цеплялись за всевозможный хлам – старые автомобильные покрышки, обломки асбестовых труб, куски железобетона и кирпича.

Вскоре Хомяков совершенно продрог и разочаровался в своей затее. Небесная каменюка обнаруживаться никак не желала. Посиневший от холода и облепленный зеленой болотной ряской, он яростно плюнул и решительно направился к берегу. Степаныч, несмотря на свои предпенсионные годы, оказался куда более холодостойким. Он продолжал бродить, методично обследуя еще не исхоженные участки дна, то здесь, то там останавливаясь и ощупывая ногой всевозможные отходы цивилизации, неизвестно кем и когда сброшенные в озерцо.

– Да ладно, Степаныч, пошли одеваться, – обернувшись в его сторону, окликнул Хомяков. – Хер тут чего найдешь. Простудиться еще не хватало. О, бля!!! – неожиданно воскликнул он, обнаружив присосавшуюся к ноге здоровенную черную пиявку.

С яростью оторвав от себя скользкое мерзкое создание, Хомяков забросил пиявку далеко на берег, в гущу сухой травы.

Помяная недобрым словом любимицу сказочного Дуремара, Хомяков сорвал лист пододрожника и, помяв его, прижал к кровоточащей ранке. Его воркотню неожиданно перебил возглас Степаныча:

– Кажись, нашел! Что-то такое непонятное... Вроде на камень похожее. Вот, у меня под левой ногой. Только в ил его глубоко засосало.

– Большой? Камень, спрашиваю, большой? – разом забыв и про пиявку, и про все еще не остановленную кровь, ринулся к нему Хомяков.

– Да хрен его знает... Может, пуд весит, может, поменьше... Вот достанем ли – с головой нырять придется.

– Нырнем! – с ликованием в голосе ответил Хомяков, тоже нащупав ногой нечто, напоминающее объемистый булыжник.

Комбайнеры набрали в легкие воздуха и ушли в мутную, взбаламученную воду, разящую гниющей тиной и лягушками. Чуть ли не по самое плечо запуская руки в скользкий, жирный ил, они выволокли из его толщи отчасти угловатый, отчасти закругленный камень. Он и в самом деле весил около десяти килограммов. Отфыркиваясь и отплеываясь, сплошь облепленные ряской, обвешанные длинными махрами роголистника, позеленевшие от холода, они, спотыкаясь, брели к берегу, похожие на двух водяных, которые надумали переселиться на сушу.

Когда с глухим стуком облепленный грязью и водорослями камень упал на землю и покатился по траве, механизаторы снова направились к воде, где наспех отмылись от ряски и ила. После чего наконец-то надели сухую одежду, показавшуюся необычайно теплой, приятно греющей изыбшее тело. Хомяков напоследок окатил отмытый от ила камень, и они увидели небольшой, несимметричный валун темно-багрового цвета с черными вкраплениями и прожилками, условно говоря, грушевидной формы. С одной стороны камень был округлым и гладким, словно вылизанный биением морской волны. Верхушка «груши», напротив, была угловатой и выщербленной.

Ворочая камень с боку на бок, Степаныч вдруг заметил на его изломе какой-то странный, сильно сплюснутый черный ромб. Корявая поверхность ромба была покрыта чем-то похожим на мокрую окалину.

– Димка, ты глянь-ка сюда, – окликнул он Хомякова. – Пятно какое-то непонятное...

– Хм... – Тот озадаченно воззрился на находку и, достав из кармана отвертку, поскоблил поверхность пятна.

К удивлению комбайнеров, чернота кое-где отшелушилась, и из-под нее блеснул металл. Это открытие их чрезвычайно озадачило.

– Слушай, а то ли мы нашли? – Степаныч вглядывался в загадочное вкрапление металла в сплошной камень. – По виду-то в метеорите этом как будто сидит обломок какой-то железяки. Вот на что она похожа? Прямо как если бы старинный меч пополам переломили и в камень вмуровали. О, глянь, а с другой стороны такое же чернеет. Точно! Как будто камень железной насквозь проткнули. Ты уверен, что это метеорит? Что, если это какой-нибудь старинный железобетон? Ну, строили тут чего-нибудь лет тыщу назад и для какого-нибудь дела в раствор положили меч. Он там и остался...

– Ага! Положили меч вместо арматуры... Скажешь тоже! Степаныч, ну какой тут может быть железобетон? – Хомяков несогласно замотал головой. – Ты глянь: настоящий природный камень. Попробуй уквырни – монолит! А эта железяка... Да хрен ее знает, откуда она в нем взялась. Пусть над этим ученые думают. Наше дело – найти покупателя и втюхать ему эту каменюку за хорошие бабки. А там и травушка не расти.

– Ну ладно... А куда именно и за сколько думаешь его пристроить? – Отряхивая с волос остатки ряски, Степаныч скептически смотрел на находку.

– Это, конечно, вопрос... – Хомяков самоуверенно покачал головой. – Сделаем так. Завтра выбью отгул и поеду в область. Есть там у меня один сродни – так, седьмая вода на киселе. Но жох и хват – каких поискать. Он-то, думаю, в курсах, кто в наших краях промышляет скупкой всяких диковин. А почему толкать будем... Ну, конечно, дураку понятно, что тыщу баксов за грамм нам никто не даст. По сотне – еще туда-сюда. Если тут десять кило веса, то десять тысяч граммов на сотню – это... это...

– Миллион, – лаконично выдал Степаныч результат умножения.

– О! «Лимон» баксов! – Хомяков восхищенно воздел кулаки. – Улавливаешь, прикол?! По нынешнему курсу – двадцать пять «лимонов» «деревянных» с гаком! Ну, даже если пять «лимонов» пойдут на всякие траты – тому ж дружбану тоже придется что-то отстегнуть, – и то по десять «лимонов» на брата. Эх, Степаныч, заживем!

– Да погоди ты делить шкуру неубитого медведя. – Степаныч грустно усмехнулся. – Где большие деньги, там и большие переживания. На них всякий падок. Это ж не так просто – камень продал, деньги в карман и загулял... У нас ведь этот камушек запросто могут отнять, и при расчете надурить, и деньги потом выжать этим... как его? – рэкетом. А еще надо подумать, как ими распорядиться. Вот, к примеру, приехал ты в деревню с чемоданом денег. Тут же начнутся выяснения: откуда взял, кто их дал, за что и почему...

– Вот, Степаныч! Сроду не даст порадоваться удаче. – Хомяков возмущенно всплеснул руками. – Да не ломай ты над этим голову – что, куда, зачем... Значит, так. Власть насчет продажи метеорита ни с какого боку не пристанет – это не клад. Ну, с налоговой, ничего не поделаешь, делиться придется. А в остальном – все наше. Наше! Все, хватит об этом. Тут вот что надо бы сделать. Отобью-ка я кусочек этого камня и покажу какому-нибудь спецу. А то ты нагородил мне про свой железобетон, я и сам уж начал сомневаться – вдруг это не то, что надо?.. Где б нам его припрятать до поры до времени?

– Давай отвезем на старый ток, – нахлобучив на голову кепку, предложил Степаныч. – Там есть где схоронить. Да заодно и на родничок заедем – надо ж воды с собой привезти.

– Ёшкин-хрёшкин! – Хомяков хлопнул себя по лбу. – Хорошо, ты об этом помнишь. У меня от радости все, как есть, из головы вылетело...

Втащив камень на холм, комбайнеры на всякий случай затолкали свою находку в нос люльки и укрыли куском мешковины – мало ли кто может туда заглянуть? Рывкнул, повинувшись рывку кикстартера, мотор мотоцикла, и вновь под колеса полетели неровные версты разбитого проселка.

Глава 1

Распахнув дверь своего кабинета, старший оперуполномоченный главка Лев Гуров услышал сзади чьи-то торопливые шаги.

– Лев Иванович, минуточку! – услышал он голос судмедэксперта Дроздова. – Очень кстати вас увидел. Вот, возьмите последние результаты. Ваши предположения оказались верны – кровь в салоне «десятки» абсолютно идентична той, что была на ручке ножа.

– Замечательно... – кивком поблагодарив Дроздова, констатировал Гуров. – Теперь на этом деле можно ставить точку.

Он с утра пребывал в наилучшем расположении духа. Сегодня ему все удавалось, концы вязались с концами, еще с ночи установилась замечательная, ясная погода, сменив недавнюю двухнедельную слякоть... А теперь, получив результаты экспертизы, он мог завершить дело о таинственном исчезновении жены крупного коммерсанта, которая, как теперь следовало думать, никуда не исчезала, а была убита собственным мужем в ходе семейной ссоры. И завтра (а может, даже и сегодня!) они со Стасом едут на долгожданную рыбалку.

Сев за стол, он небрежно перелистал бумаги, подшитые в скоросшивателе. Неожиданно подумалось, что этот тихий, рутинный, уже до крайности надоевший ему шелест бумаги для кого-то может звучать чем-то наподобие скрипа тюремной двери. Ведь каждая бумажка в деле для одних была спасательным кругом, а для других – тяжелыми веригами, тянущими на дно многолетней отсидки...

Его философские размышления прервал грохот входной двери, распахнутой настежь. В кабинет, как в цитадель захваченной крепости, совсем не по-полковничьи ворвался Станислав Крячко. Легкомысленно крутанувшись на одной ноге, оперуполномоченный главка лихо отбил чечетку и, подбоченясь, провозгласил:

– Лева, салют! Ну что, сегодня завершаем? Что так хитро ухмыляешься? Как там наш Дроздов-с? Что-нибудь высидел в своем закутке?

– Да, результаты уже готовы, акт он занес... – Гуров кивнул, указав на скоросшиватель. – А что это ты такой радостный?

– Ну как это – что?! – Станислав раскинул руки, словно хотел обнять весь мир. – За пару часов спихиваем этот воз и сразу же после обеда – на рыбалку! По-моему, вполне реально. Мы честно отбарабанили неделю, причем, почти круглосуточно мотаясь по Москве и пригородам, успешно завершили дело и поэтому имеем полное право, заметь – конституционное! – на последующий отдых.

– Идея, конечно, люкс. – Лев сдержанно кивнул. – Но, сам же знаешь: мы – полагаем, а Петр – располагает. Как острят студенты: не говори гопкинс, пока не перепрыгнеш.

– Ты считаешь, выходные он может обломить?! – Стас взъерошился, как кот, которому по усам поводили куском колбасы и тут же спрятали ее в холодильник. – Да я тогда...

– Да ничего ты тогда... – отмахнулся Гуров. – Я, кстати, тоже. Почему? Ну а если, например, где-то что-то стряслось из ряда вон? Повесят на нас – ахнуть не успеешь. То-то же. Тут молиться надо, чтобы в ближайшие два дня ни одна зараза не сотворила чего-нибудь громкого, заказного или крупномасштабного. А остальное – будь уверен – приложится. Ну вот, а это, похоже, по нашу душу, – указал он на телефон, издавший требовательный звонок.

– Лев Иванович, Станислав при тебе? – с многозначительными интонациями поинтересовался генерал-лейтенант Орлов. – Отлично. Оба ко мне давайте.

– Что, звонил по поводу завершения этого дела? – Голос Стаса звучал с надеждой, но при этом кисло и безрадостно.

– Скорее всего, нет. – Гуров со вздохом развел руками. – Он про него даже не спросил. А раз меня назвал по отчеству, значит, в кабинете есть кто-то посторонний, откуда следует: готовь шею под следующий хомут.

– Да хрен я соглашусь! – сердито буркнул Стас, направляясь к двери.

– Я, пожалуй, тоже побрыкаюсь для приличия... – иронично сообщил Лев. – Ты заметил, за последние годы у нас уже как бы выработался некий ритуал: Петр навязывает нам дела – по большей части самые глухие висяки. Мы, что тоже уже стало традицией, долго и упорно от них отказываемся, упираемся, после чего все равно даем согласие.

– А ты что предлагаешь? – с ехидцей прищурился Крячко. – Соглашаться со всем, что бы он нам ни подсунул, без малейших возражений?

– Ни в коем случае! – Гуров решительно махнул рукой. – Если со всем соглашаться, на нас завтра же начнут возить воду. Брыкаться, но помнить: все равно от хомута никуда не денешься. Судьба...

Войдя в кабинет начальника главка генерал-лейтенанта Петра Орлова, Гуров еще с порога увидел сидящую напротив хозяина кабинета незнакомую пожилую женщину. Гостья Орлова, судя по одежде, приехала откуда-то издалека. Она о чем-то горестно рассказывала Петру, то и дело промокая уголки глаз носовым платочком. Ответив на приветствие оперов, Орлов пояснил своей посетительнице:

– А это и есть наши лучшие оперативные работники – Лев Иванович Гуров и Станислав Васильевич Крячко.

Подумав одновременно об одном и том же, опера коротко переглянулись. Петр уловил это движение и подтверждающе кивнул.

– Да, коллеги, вы поняли совершенно правильно: есть чрезвычайно важное, неотложное дело. Кстати, Лев Иванович, что это у тебя там? Дело, которое вы уже завершили? Отлично! Давай, я заберу. Да вы присаживайтесь, присаживайтесь. Так вот, коллеги, ко мне на прием пришла Валентина Георгиевна Балова, жительница села Трофимовка, которое находится в солнечном Заволжье. У нее большое горе – неизвестные убили ее мужа, механизатора Алексея Степановича Балова, и его звеньевоего Дмитрия Хомякова. Случилось это при весьма загадочных обстоятельствах.

Опера снова переглянулись – для главка ли эта пусть и драматичная, но в целом весьма заурядная история? Мало ли случается подобных смертей в провинции, расследование причин которых по плечу обычному райотделу?

– Я прошу меня извинить, что отнимаю время у занятых людей... – робко комкая в руках платок, тихо заговорила женщина. – Но я прошу-то о чем: может, хоть вы усостите нашу местную милицию? Ну совсем ни на что не обращают внимания. Вот, убили моего Степаныча и Димку... Их в упор застрелили. А милицейские приехали и объявили, что это они сами друг друга. Мол, не поделили чего-то... Так убиты они пулями, вроде из пистолета. А откуда могут быть пистолеты у моего и Димки? Ну, у Димки-то ружье охотничье есть. Но это же совсем другое!

– А сколько ранений было у каждого из убитых? – уточнил Орлов.

– Да всего по одному. Моему стреляли прямо в сердце, Димке – в голову... – снова промокая глаза, внезапно севшим голосом сказала женщина, горестно качая головой.

– Сами-то вы как считаете, кто и за что мог их убить? – после некоторого молчания негромко спросил Гуров.

– Даже не знаю... Что мой, что Димка – люди простые, никакими темными делами никогда не занимались, со всякими криминалами не связывались. Денег у нас или драгоценностей – никаких. Ума не приложу – кому и зачем понадобилось их убивать?

– Но если местная милиция по непонятным причинам старается замять это дело, хотя картина убийства очевидна, может быть, у механизаторов был конфликт с кем-то из местных «крутых»?

– Ой, господи!.. – Женщина сокрушенно покачала головой. – Да наши местные прикрывают все, что бы ни случилось. Им главное, чтобы лишний раз не напрягаться. Вот у нас на Новый год, утром первого числа, на речке, на льду, нашли местную девчонку. Раздета до нитки, вся в синяках, под головой – лужа мерзлой крови. Видно же, что и избили ее, и изнасиловали, и горло перерезали. Даже называли тех, кто это сделал. Она встречала Новый год в компании с молодежью, а там был один, месяц как из тюрьмы вышел. Он ее пошел провожать, а на другой день из деревни скрылся. И что бы вы думали? Признали, будто перепила, сама на льду разделась и замерзла. Да она девчонка-то скромная, пьяной ее никто никогда не видел...

– А что же ее родители? – На лбу Петра залегли глубокие складки.

– Да что с них взять-то? Алкаши... Милицейские их припугнули, чтобы не мешали им праздник справлять, родня того тюремщика ящик водки дала поминать. Они и успокоились. А месяца два назад, перед самой уборочной, в леске парня повесили. Такой работающий, веселый был, жениться собирался. Пошел на рыбалку, там за лесом озеро есть, и не вернулся. Уже на другой день его нашли. Висел на дереве, на пластмассовом шпагате, которым тюки соломенные вяжут. Милицейские написали: самоубийство. А там рядом – место чьей-то гулянки: кострище, объедки, банки из-под заграничной консервы, бутылки коньячные, трусы девчачьи рваные, резинки эти срамные... И следы какой-то машины, широкие такие.

– Но, может быть, он и в самом деле повесился? – уточнил Станислав.

– А с чего бы тогда на его руках, вот здесь и здесь, – женщина указала себе на запястья, – вся кожа была содрана и рот был заткнут рукавом его же собственной рубашки? Дураку понятно, что руки ему таким же шпагатом связали и повесили. Он же вырывался, жить же как ему хотелось – совсем молодой ведь парень, только весной из армии вернулся... Его отец и мать куда только ни бились, куда ни стучались – без толку. И в область ездили, и в Москву писали... Отовсюду один ответ: следствием установлен факт самоубийства. Да до Москвы-то, поди, их письма и не дошли – у нас же в районе их и перехватили.

– А область? – тягостно вздохнул Орлов.

– Да все у нас там одной веревочкой повязано. Считай, всю семью супостаты стубили – мать чуть жива лежит, отец запил беспробудно... Все, нет семьи.

– Да, ситуация, однако... – хмуро подытожил Петр. – Но вернемся к убийству вашего мужа и его зеньевского. Вы сказали, что в деревне ходила болтовня про какие-то сокровища. Об этом можно чуть подробнее?

– Да это третий из ихнего же звена, Венька Злохин, болтанул, будто мой Степаныч и Димка нашли на Ковыльном – это у нас так холм называется – какую-то старинную драгоценность и решили ее втихую продать. Ну а покупатели их и убили, чтобы денег не платить.

– Хм... А что, на этом Ковыльном и в самом деле могут находиться драгоценности? – недоверчиво прищурился Гуров.

– Не знаю... Но у нас издавна рассказывают о том, что под Ковыльным похоронен какой-то скифский царь и в его могиле – несметные сокровища. Эти вот, ученые, что могилы изучают, кажись, даже раза два приезжали, но ничего не нашли. И кроме них, какие-то небритые приезжали, все миноискателями шарили. Но тоже вроде уехали ни с чем. Вот я и не знаю, могло ли такое быть, или это Венька от нечего делать свой язык чесал.

– А вы последнее время ничего странного за мужем не замечали? Вдруг пришел с работы какой-то не такой, как обычно, или вдруг сказал что-то вам непонятное? – потеряв ухо, спросил Крячко.

– Да... Как сказать?.. – Женщина растерянно пожала плечами. – Ну вот, недели полторы назад... Да, уже дней тому десять, или двенадцать, он вернулся с работы, как и обычно. За пол-

ночь пошел в баню – я ему еще с вечера истопила. Утром стала забирать вчерашнюю рубашку в стирку, гляжу, а на ней кое-где болотная ряска прилипла. Откуда, почему – непонятно. Хотела вечером расспросить, да так и забыла. А дня за два до того, как это все случилось, спросила его, сколько же им начисляют за тонну намолота. А он отмахнулся и сказал, что, дескать, незачем считать эти копейки. Скоро он столько может отхватить – ахнешь! Если, мол, все благополучно обойдется, осенью обязательно поедem в Сочи.

– А почему именно в Сочи? – удивился Станислав.

– Да это в семье у нас так прижилось. Уж вроде того, если и ехать куда, так только в Сочи.

– Это у вас как бы символ роскоши, – понимающе кивнул Орлов.

– Ну, наподобие... Хотя за всю жизнь так нигде и не побывали – то работа, то дети, то хозяйство. А теперь вот Степаныча не стало... В навозе всю жизнь прожили, в навозе и помрем... – Женщина обреченно вздохнула. – Ладно уж, извините, что время у вас заняла. Спасибо, что хоть выслушать согласились...

Попрощавшись, женщина вышла из кабинета. Воцарилась тишина.

– Ну что, мужики, – вопрошающе глядя на оперов, Петр хитро прищурился, – может, кто-то сам изъявит желание взяться? Лев, ты как?

– Горю желанием, – удрученно рассмеялся Гуров. – Ты ж обещал нам два дня выходных. А теперь из одного хомута с ходу перепрыгаешь в другой.

– А что скажет Стас? – разочарованно вздохнул Орлов, обратив свой взор на развалившегося в кресле Крячко.

– С Левого полностью солидарен, – флегматично ответил тот, глядя в потолок. – И вообще, почему бы не поручить это дело, например, Свиридову? Человек, прямо скажем, заскучал в стойле. Пора выходить на оперативный простор.

– С чего это ты взял? – Петр недоуменно выпятил нижнюю губу. – Кто тебе сказал, что Свиридов не загружен работой?

– Сорока на хвосте принесла... – ехидно уведомил Крячко. – Я, конечно, сочувствую... как ее? А! Валентине Георгиевне. Но неужели ты и в самом деле считаешь это дело особо важным?

– Да, я подозреваю, что эта история весьма неординарная, что здесь и впрямь могут быть замешаны какие-то огромные ценности. – Орлов устало потер виски. – За это дело взяться надо. Понимаете? Надо.

– Ну, я бы взялся. – Лев отрешенно махнул рукой. – Но при условии, что хотя бы сегодня и завтра у нас выходные.

– Лева, уже и так потеряна уйма времени! – патетически воскликнул Орлов, всплеснув руками. – Ты же сам прекрасно знаешь – каждый час промедления означает упущенные следы и улики.

– Я так понял, послабления нам не будет... – Гуров хлопнул ладонями по коленям. – Ну, Петр, последний раз такое. Еще одна такая ситуация, и я тут же ухожу куда-нибудь в дворники. Лучше метлою подымать пыль, чем вот так мною будут затыкать всевозможные дыры. Ну а что касается конкретно этого дела, то в одиночку ни мне, ни Стасу не набегаться. Поэтому братья будем оба.

– Согласен! – вскинув руки, обрадованно объявил Орлов. – Я только за. С чего думаете начать?

– С выезда на место происшествия... – Гуров как перед схваткой размял кисти рук. – Но поедem туда порознь. Стас едет в Трофимовку как представитель главка и ведет там официальное расследование. А я поеду в их райцентр под видом богатого теневого скупщика антиквариата и всевозможных редкостей. Вдруг что с этой стороны обозначится? Поскольку времени и в самом деле упущено слишком много, нам придется искать не конец ниточки, а ее середину.

– Отличный ход. – Петр одобрительно кивнул. – Тогда за дело.

– Один момент! – Стас упрещающе поднял палец. – Прежде чем мы уйдем, давай-ка займемся небольшим диктантом. Возьми лист бумаги и напиши следующее: я, Орлов Петр Николаевич, обязуюсь, невзирая ни на какие обстоятельства, оперуполномоченным Гурову и Крячко по завершении дела об убийстве механизаторов предоставить по пять дней отгула. Что улыбаешься? Я не шучу. Пиши, уважаемый, пиши. Иначе с места не сдвинусь.

– Ты что, серьезно? – Брови Петра медленно поползли вверх. – Что, вот прямо так и написать? Это что-то новенькое... Ну, вы даете!

– А с тобой как иначе?! – Гуров тоже вставил свое лыко в строку. – Раз у тебя семь пятниц на неделе, что прикажешь делать? Стас прав: пиши, пиши, родной!..

– Черт знает что!.. – сердито проворчал Орлов, нервно выдернув из пачки лист бумаги и взяв авторучку. – Дожили, называется...

Он быстро набросал на листе несколько строчек и небрежно сдвинул его на край стола.

– Натэ, возьмите... Совсем совесть потеряли!

– Что, что, что?! – Лев и Станислав с саркастическим смехом переглянулись. – Это кто тут совесть потерял? Мы?!

Гуров аккуратно сложил лист вчетверо и спрятал его в карман.

– Вот прямо сейчас подойди к зеркалу и, глядя в глаза своему отражению, попробуй, не покраснев и не засмеявшись, сказать три раза подряд: «Я самый совестливый», – без тени улыбки предложил он.

– Да ну вас, черти протокольные! – Не выдержав, Орлов громко фыркнул, лишь представив себе, как глупо он мог бы выглядеть, если бы и в самом деле согласился на этот детсадовский трюк.

– Ну вот, кажется, дошло, – удовлетворенно отметил Лев, направляясь к выходу.

– Пор-ра-а-а в путь-дорогу! В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю пам-пам, трам-пам, трам-пам-пам-пам... – пропел Станислав, направляясь следом.

По-самолетному раскинув руки и издавая громкое «Б-ж-ж-ж-ж!..», он покинул кабинет. Петр, глядя ему вслед, лишь покачал головой.

Во второй половине этого же дня в заволжском райцентре Жуково появился загадочный джентльмен, внешне и по манерам очень похожий на одного из киношных Джеймсов Бондов. По причине отсутствия гостиницы приезжий поселился на съемной меблированной квартире, не торгуясь, уплатив за неделю вперед. Ближе к вечеру джентльмен вызвал по телефону на улицу Октябрьскую к подъезду дома номер шестнадцать частное такси. Выяснив у таксиста, есть ли в городке приличные заведения общепита, он приказал ехать в местный ресторан с громким названием «Хай форм», который, увы, при всех своих потугах на престижность заявленному в названии высшему классу никак не соответствовал.

В ресторане появление незнакомца было замечено всеми без исключения. Высокий, статный, физически явно очень сильный, с изрядной долей шарма и привлекательности, он мгновенно стал объектом шквальной «стрельбы» женских глаз. Сев за столик, указанный угодливо склонившимся метрдотелем, незнакомец небрежно, с легкой аристократической скукой сделал заказ официанту и, откинувшись на стуле, как бы рассеянно смотрел на окружающее.

Неожиданно за спиной «Джеймса Бонда» послышалось вкрадчивое покашливание. Осторожно присев напротив него, молодой человек неопределенной внешности негромко, чрезвычайно учтиво заговорил:

– Прошу простить за доставленное беспокойство, за мое, так сказать, вторжение... Меня зовут Викентий, я частный предприниматель... Вы, я так понял, в нашем городе впервые – таких солидных господ нельзя не заметить. Наша местная миролюбивая общественность приветствует вас и была бы рада оказаться вам полезной в осуществлении ваших дел и планов. Если не секрет, какую сферу деятельности вы представляете?

– Коммерция, – чуть холодно, голливудски улыбнулся «Джеймс Бонд», окончательно сразив и без того тающие сердца провинциалок.

Достав из нагрудного кармана дорогого костюма отблескивающий глянцем прямоугольничек визитки, он, со все той же неподражаемой аристократичной небрежностью, протянул ее своему незваному собеседнику. Тот, осторожно взяв визитку кончиками пальцев, быстро пробежал по ней глазами. «Шувалов Андрей Тимофеевич. ООО „Феникс-XXI“ – гласило золотое тиснение букв.

– Благодарю вас, Андрей Тимофеевич. – Викентий спрятал визитку в карман. – С вами было очень приятно пообщаться...

Он с вежливой улыбочкой откланялся и скрылся за спинами ресторанный публики. Почти сразу же у столика появился официант. Пытаясь изобразить столичный шик, он держал поднос с заказом на кончиках пальцев.

«Джеймс Бонд», вернее, неплохо вошедший в эту роль Лев Гуров, демонстрируя манеры завсегдатая элитных ресторанов, неспешно приступил к ужину. Величественно выступая, к столику приблизилась очень и очень недурная собой особа в строгом красивом черном платье, которое не столько прибавляло строгости своей обладательнице, сколько подчеркивало неоспоримые природные данные провинциальной «леди». Судя по всему, это была типичная ресторанный «очаровашка», еще не лишенная претензий на жизненный успех.

– У вас прикурить не будет?.. – доставая из сумочки длинную тонкую сигарету, спросила «леди», как бы вскользь окинув Гурова изучающим взглядом.

«Этого мне только не хватало...» Стараясь не терять величественно-суперменской мины, Лев молча достал из кармана дорогую зажигалку и, нажав на кнопку, протянул ей рдеющий огонек на верхушке платиново-белого крохотного параллелепипеда. Взяв на себя роль «богатенького Буратино», он как-то упустил из виду, что люди такого пошиба не чужды найму дамочек из, так сказать, «полусвета».

Прикурив, «очаровашка» поблагодарила Гурова многообещающей улыбкой и, как бы собираясь удалиться, поинтересовалась, где-то даже с долей сочувствия:

– Что ж такой интересный мужчина и совершенно один? Вам не скучно? Присесть позволите?

– Присядьте, – кивнул Лев, вновь голливудски улыбнувшись. – Вы что-нибудь будете?

– Если можно, кофе... – непринужденно пожала та мраморно-белыми плечами.

Поманив к себе пробежавшего мимо официанта, Гуров указал ему взглядом на «очаровашку».

– У девушки примите заказ, – негромко, но властно распорядился он.

– Слушаю-с... – угодливо кивнул тот, протянув «очаровашке» меню.

– Ну, если вы настаиваете... – Собеседница Льва тонкими пальчиками раскрыла темно-синюю обложку меню и, помедлив несколько секунд, как бы нехотя попросила: – Значит, Вася, сделай быстренько...

Заказав бутылку дорогого вина и кое-каких деликатесов, «очаровашка» лукаво улыбнулась Гурову.

– Я не слишком опустошила ваш бюджет? – пуская дым, поинтересовалась она.

– Для моего бюджета это даже не трата, а малозначащий пустяк, – уведомил Лев, изобразив великолепный жест. – А для меня это не убыток, а приобретение – я получил возможность пообщаться с очень интересной дамой.

Завязался дежурный ресторанный разговор – сразу обо всем и ни о чем конкретно. Официант, как и просила «очаровашка», назвавшаяся на французский манер Жюли, ее заказ доставил весьма оперативно.

– Давайте выпьем за наше знакомство, – подняв бокал с прозрачным содержимым солнечного оттенка, издающим тонкий винный аромат, предложила Жюли.

– Ну что ж, давайте, – согласился Лев.

Их бокалы соприкоснулись с вызывающим хрустальным звоном, который вызвал нервную реакцию некоторых дам за соседними столиками. В сторону Жюли острыми бритвами полоснули завистливо-недовольные взгляды. («Везет же этой швабре – такого мэна оторвала!...») Опрокинув в рот чуть терпкую, хмельную влагу, Гуров с удивленным удовлетворением отметил, что это вовсе не подделка каких-нибудь «малоарнаутских умельцев». В такой глуши продегустировать не липовое, а настоящее марочное вино солидной выдержки для него оказалось неожиданностью.

Опорожнив свой бокал до половины, Жюли с победоносным видом поставила его на стол. Взгляды конкуренток ее ничуть не смущали. Казалось, она, напротив, упивалась их едким вниманием и откровенной неприязнью.

– Андрей Тимофеевич, – взяв вилку и одарив Гурова манящим взглядом, чуть кокетливо улыбнулась Жюли, – а вы к нам надолго?

– Все будет зависеть от обстоятельств... – Лев неопределенно пожал плечами. – Мне нужно уладить кое-какие дела, выяснить наличие интересующих меня объектов в вашей местности... В общем, как получится.

– Вы остановились у своих родственников? – мурлыкающим голосом продолжила расспросы «очаровашка», поддевая вилкой салат с ветчиной и креветками.

– Нет, я ангажировал съемную жилплощадь, – тоже орудуя вилкой, сообщил Лев, хорошо понимая, куда клонит его собеседница.

– О-о!.. Хотелось бы посмотреть, какие апартаменты снимают для себя столичные бизнесмены, – лучезарно улыбнулась Жюли, как бы ненароком задев под столом своей туфелькой ногу Гурова.

Судя по всему, опыт оболыщения у «очаровашки» был солидный. Лев вдруг почувствовал, как внутри его что-то заходило, заколобродило. Ситуация начинала приобретать для его семейных устоев опасные обороты. Ведь теперь, следуя логике не сказанного вслух, он должен был пригласить ее к себе.

– Думаю, это не такая уж проблема, – придав своему голосу интригующую многозначительность, улыбнулся Лев, при этом на ходу изобретая способ, как развязаться с нежелательным ходом развития этого незапланированного randevu. – А как вы догадались, что я из Москвы, а не из Питера, например?

– Москвичей можно узнать за версту, – чуть снисходительно улыбнулась Жюли. – Они в большинстве своем более резки, при понтах, с избытком крутизны... А вот питерцы, те больше напоминают финнов – тшутотчку самэдленные, интэллихэнтные каспада, – спародировала она финский акцент.

– А вам что, доводилось сталкиваться с финнами? – наполняя бокалы, спросил Гуров.

– И не только. – В глазах Жюли мелькнули непонятные холодные искорки, словно она вспомнила нечто болезненное. – Я ведь одно время училась в МГУ, – с долей ностальгии добавила она.

– Я так понял, это ваши не самые лучшие воспоминания, – пронизательно заметил Лев.

– Не будем об этом! – взяв бокал, чуть наморщила свой точеный носик Жюли. – Это слишком скучно и неинтересно. За что выпьем?

После тоста Гурова «За прекрасных дам» следующим Жюли провозгласила встречный: «За настоящих джентльменов». В этот момент ресторанный оркестр, состоящий из синтезатора, электронной ударной установки и саксофона, заиграл что-то лирическое. Певица в длинном декольтированном платье запела «под Кадышеву», вероятнее всего, какой-то местный хит:

– ...Любила я тебя, любила я тебя, любила я тебя, а ты ушел...

Из-за столиков поднялись пары. Дабы не выглядеть тупым, чванливым снобом, Льву надлежало пригласить свою даму на этот «медляк». Они вышли на свободное пространство между

столиками и медленно закружились, вновь вызвав немало завистливых взглядов как с одной, так и с другой стороны. Придерживая свою партнершу за талию, Гуров ощущал ее тело, обоняние дразнил тонкий, изысканный запах духов. Чувствовалось, что на дорогую парфюмерию его новая знакомая не скупилась. Под музыку они говорили о каких-то пустяках, но слова здесь особой роли не играли. Гораздо важнее был язык движений, прикосновений, случайных взглядов.

«Кажется, пора исчезать...» – мысленно решил Лев, чувствуя, как против воли его внезапно захлестнула продиктованная мужской природой жажда обладания этой женщиной. Когда они, разгоряченные вином и танцем, вернулись к столу и вновь подняли бокалы, он, не допив, неожиданно похлопал себя по карману. Быстро достав телефон и, для видимости нажав кнопку включения связи, благодушно улыбаясь, Лев вальяжно обронил:

– Ну, что там у вас?

Несколько мгновений помолчав, он резко сменил выражение лица на озабоченно-свирепое.

– Ч-что?! – Жестко сказав это, он даже привстал, изображая бурную реакцию на якобы услышанное неприятное известие. – Вы там что, с ума посходили? Сейчас же выезжаю! Немедленно! Без меня ничего не предпринимать.

Гуров сокрушенно развел руками и спрятал телефон в карман.

– Досадно... Очень жаль, – вздохнул он, вставая из-за стола. – Беда, если помощники без царя в голове.

– Вы меня покидаете? – поставив бокал, изменилась в лице Жюли.

– Ничего не поделаешь – бизнес превыше всего. – Доставая из бумажника несколько крупных купюр (существенно больше, нежели стоила сервировка), Лев с сожалеющей улыбкой пожал плечами. – Се ля ви... Вас не затруднит рассчитаться с официантом? – попросил он, положив купюры меж тарелок.

С выражением крайней спешки на лице он собрался уходить, но Жюли, торопливо раскрыв сумочку и быстро достав из нее крохотный блокнотик с авторучкой, остановила его:

– Андрей Тимофеевич! Секунду! Вот мой мобильный. Ваш можно?

Протянув визитку, Гуров забрал блокнотный листочек с каллиграфическими бисеринками цифр, помахал девушке кончиками пальцев и направился к выходу, сопровождаемый множеством любопытных взглядов. Он вдруг представил, как повел бы себя в этой ситуации Стас, вполне справедливо предположив, что тот вряд ли стал бы ломать комедию, в полной мере отдавшись естественному, разумеется с точки зрения Крячко, ходу событий.

Глава 2

Сев на заднее сиденье «Фольксвагена» с шашечками на оранжевом фонаре, Гуров опустил на переднее сиденье машины зеленовато-голубую бумажку и кратко распорядился ехать в областной центр.

– Есть, командир!.. – воодушевленный купюрой, бодро откликнулся таксист, лихо взяв с места.

Пролавировав по разбитым улицам захолустного городка, «Фольксваген», выйдя на более-менее приличную федералку, довольно резво помчался по шоссе, обставляя всех, кто шел в попутном направлении. Когда за поворотом скрылись дома райцентра, Гуров начал второй этап все того же «комедиантства». Он снова достал телефон и громко спросил:

– Что там у вас опять? Что? Сами довели до ума? А что, до этого мозгов не хватало? Блин! Только вечер мне испортили. – Спрятав телефон, он снова скомандовал: – Отбой! Едем назад.

– Гм... – Таксист вопросительно посмотрел на Льва через салонное зеркало.

– А-а... Гонорар? Твой! – Лев изобразил великодушный жест.

– Куда рулим? – обрадованно подмигнул шофер. – Прикажете в тот же кабак?

– Да нет, настроение уже не то... – Гуров отрицательно качнул головой. – К тому же возвращаться – плохая примета. Едем на Октябрьскую...

– Ребята сейчас болтали, к вам Юлька Супер клеилась? – неожиданно спросил таксист. – Смачная бабенка!.. – Он со знанием дела причмокнул.

– Она что, здешняя знаменитость? – Лев внутренне подивился оперативности распространения информации в местных шоферских кругах.

– Да, что-то в этом роде... – авторитетно кивнул таксист. – В Москве, говорят, училась в каком-то институте. Потом, правда, вылетела. Вроде за наркоту. Сериал смотрели «Сезон охоты на любовь»? Вот с тем, который играет главную роль, она в Москве встречалась. А он ее покатрошил и бросил. И тогда она назло ему пошла на панель. Ну а там ее с клофелином подставили, чуть не села. Уехала сюда. Сейчас здесь промышляет.

– Да, незавидная судьба... – как бы в раздумье заметил Гуров.

– Да что незавидная? Она хоть и красивая, но дура. Этот-то, обалдуй киношный, опаматовался, сюда за ней приезжал, просил прощения, предлагал пожениться. Что б вы думали? Выставила за порог! Решила гордую из себя соорудить... А вообще-то ей – смеяться будете – и здесь уже не раз предлагали выйти замуж! Да! Хотя все знают, чем занимается. Отказывает! – Таксист хохотнул с оттенком восхищенного удивления. – Я, говорит, выйду только за мужчину суперкласса. Ее, кстати, за это так и прозвали – Юлька Супер. Она и спит-то не с кем попало, а только с теми, кто ей пришелся по вкусу. Так что, раз она на вас запала, делайте выводы.

– Ну, если при таком ремесле быть слишком разборчивой, то можно и зубы на полку положить... – с сомнением заметил Лев.

– Да дурью она мается! Она же шьет – Армани отдыхает. К ней очередь на два месяца вперед расписана. А этим, что с мужиками за бабки спит, все еще мстит своему кинщику, никак не остановится. Ну вот, мы и прибыли. – Таксист аккуратно притормозил у длинной трехэтажки из красного кирпича. – Да, и еще... Краем уха слышал, местные деловые что-то насчет вас перетирали. Так что не расслабляйтесь.

Поблагодарив таксиста, Гуров направился к подъезду. Солнце уже ушло за горизонт, в темнеющем небе догорала заря. Поднимаясь по выщербленной лестнице, он размышлял об услышанном. То, что его здесь заметили, и входило в основной замысел – как следует соответствующим образом засветиться, привлечь к себе побольше внимания. Но это же несло в себе и серьезный риск оказаться в поле зрения случайных уголовников, которые не преследуют каких-то крупномасштабных целей, а довольствуются кошельком, вынутым из кармана убитого.

Днем они со Стасом уже созванивались и обсуждали текущие дела. Учитывая возможные риски, следовало бы созвониться еще раз, чтобы согласовать дальнейшие действия. Лев достал сотовый, но голос автоответчика уведомил его о том, что вызываемый им абонент в данный момент находится вне зоны связи. «Мать твою, техника хренова!» – мысленно выругался Гуров, вынув из кармана ключи от квартиры.

Войдя в темную прихожую, он интуитивно вдруг почувствовал, что в помещении есть кто-то еще. Гуров резко подался назад, но в этот момент ему на голову из-за занавески, скрывающей вешалку для верхней одежды, обрушился тяжелый удар. В глазах словно полыхнули миллионы лампочек, после чего он, не помня себя, ухнул в непроницаемо-черную бездну.

Очнулся он внезапно, с удивлением возвращаясь то ли в скверный сон, то ли в еще более скверную явь. По лбу, щекам, подбородку текла холодная вода, которой ему, вероятно, плеснули в лицо, чтобы привести в чувство. В голове стоял гул, в глазах все плыло и кружилось. Затем появилось ощущение своего тела. Оно было жестко примотано веревками к стулу – нельзя было даже пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Ну что, очухался? – послышался хрипловатый тенорок с характерными блатными интонациями.

Напротив Гурова, рассматривая визитку и вертя в руках взятый из его кобуры штайр», на стул уселся незнакомый тип лет сорока с угловатым рябым лицом. За спиной рябого столбами стояли двое крупных парней с туповато-агрессивными физиономиями.

– Вы кто и чего вам нужно? – спросил Лев, преодолевая головную боль.

Его собственный голос казался чужим, доносящимся откуда-то со стороны.

– Здесь вопросы задаю только я. Понял? – Рябой по-волчьи ощерил крупные прокуренные зубы. – Поэтому колись, фраерок столичный, за каким хреном сюда притащился.

– За антиквариатом, – медленно проговорил Гуров, стараясь спрогнозировать дальнейший ход разговора, чтобы найти оптимальный вариант выхода из сложившегося положения.

– А кто тебе сказал, что тут можно чего-нибудь найти? – изучающе глядя на него, ядовито ухмыльнулся рябой.

– Знакомый... Он здесь уже бывал. Покупал старинную бронзу и фарфор.

– Что-то не больно на барыгу ты похож. – Рябой с сомнением pokrивился. – Никаких ксив ни при тебе, ни в вещах не нашли. Кто ты такой? Засыльный мент?

– Ксивы в гостинице, в соседнем городе. Я и подстраховался вот на такой случай... – Лев уже полностью пришел в себя и мог анализировать происходящее. – Теперь я все же хотел бы знать, кто вы и чего вам нужно.

– Кто мы такие – знать тебе необязательно. А чего нам нужно... Это я скажу. Жить хочешь? Значит, пусть за твою шкуру нам уплатят выкуп – «лимон» баксов.

– Это нереально... – Гуров покачал головой. – У меня оборотных средств меньше ста тысяч. Если и весь имеющийся товар реализовать, больше двухсот тысяч не наберется.

– Это твои проблемы, – зло уведомил рябой. – Ладно уж, пойдем навстречу московской бедноте. Мое последнее слово – пятьсот штук. И больше никакого торга! Бабки получаем – ты на свободе. Бабок нет – тебя по кускам будут собирать по всем свалкам. Я понятно объяснил? Вот и ладушки... Кому думаешь позвонить? Своей бабе, корешам?

– Компаньону. Он здесь у вас в областном центре. – Лев поморщился от боли, периодически пронизывающей темя. – Деньги может только он найти.

– Звони. Вот твоя мобила, – заметно повеселел рябой. – Ну-ка, где тут записная книжка?... Ага, есть. Как он у тебя значится?

– Стас, – коротко ответил Гуров, быстро придумав, как, не вызывая подозрений бандитов, сообщить Крячко о случившемся с ним.

– Так, сразу предупреждаю: никаких намеков, где именно сейчас находишься. А дружку своему скажи, что, если свяжется с ментами, тебя не спасут никакие силы небесные. Ты это

понял? Глотку перережу собственноручно. – Рябой достал из кармана пружинный нож, на что-то нажал, и из его кулака со щелчком выскочило острое, блестящее лезвие.

Затем он поманипулировал с кнопками сотового телефона и поднес его к уху Льва, а с другой стороны сам приник ухом, чтобы слышать, что будет говориться на другом конце связи. После череды длинных гудков в телефоне послышался бодрый, жизнерадостный голос Крячко:

– Лева, привет! Как ты там?

– Стас, слушай меня не перебивая... – Гуров говорил ровным голосом, но Станислав мгновенно понял: что-то произошло. – Не задавай никаких вопросов и без комментариев – время дорого. Сразу предупреждаю: никаких звонков ментам и вообще никому никакой информации.

– Понял, понял... – Голос Стаса звучал глухо и напряженно.

– Так вот, срочно собери пятьсот штук баксов. Любой ценой. Сзвонись с родней, знакомыми, заложи мой загородный дом. Сто штук можешь взять в моем номере, в стенном сейфе. Сейчас скажу тебе код замка. Он компьютерный, набирается по-английски: оу, кей, ти, джей, эй, би, а-а-а, эс, кей, эй, джей, эй. Далее: эс, ти, а-а-а, и-и-и, и-и-и, ти. Цифровой код – день моего рождения, затем чертова дюжина, умноженная на два. Записал? Деньги на верхней полке. Сейчас тебе скажут, куда их доставить.

– Стасик, – поднеся к своему уху телефон, рябой говорил с нарочитыми, язвительно-глумливыми интонациями, – ты же умный мальчик и глупостей не наделаешь? Тебе же своего дружка живым увидеть хочется? Тогда запоминай: бабки привезешь на перекресток у поселка Луговской. Знаешь, где это место? Километров десять не доезжая до Жукова. Бабки должны быть упакованы в сумку типа инкассаторской. На ходу из машины кинешь их в окно кирпичной будки – она там, рядом с дорогой. И сразу же сваливаешь. И не вздумай закосячить! Самого потом на лоскуты покроем. Баблю сколько времени думаешь собирать?

– Ну, часов пять, не меньше. Да на дорогу до Луговского уйдет около часа.

– Лады. Будешь выезжать с баблом – звякнешь по мобиле. Ждем до трех ночи. Не позвонишь – будет хреново и дружку, и тебе самому.

– Теперь мои условия, – неожиданно для рябого твердо заговорил, как представлял себе бандит, «хлипкий, склизкий фраерок». – Перед тем как брошу сумку с деньгами, я должен буду услышать голос своего друга. Понял?

– Тут я ставлю условия! Понял, чмо?! – разъяренный дерзостью «фраерка», рявкнул в телефон рябой. – Или до тебя это еще не дошло?

– Ты тоже кое-что должен усвоить. – В голосе Стаса звучало твердое спокойствие. – Ты хочешь бабок срубить? Ну, так не выживайся, как вошь на гребешке. Бабки будут. Но и мне нужны гарантии, что ты нас не кинешь. Усек? И насчет того, что мне там чего-то сделаешь, – не свисти. Меня ты хрен найдешь. А вот тебя, случись чего, я сам потом найду – это куда вернее. Так что договоримся – играть втемную не будем. Деньги только в обмен на жизнь друга.

В телефоне зазвучали короткие гудки. Судя по растерянному взгляду рябого, тот был довольно-таки обескуражен. Зло бросив телефон на стол, главарь заходил по комнате.

– Ну чё, этого кончаем? – подходя к Гурову с удавкой в руках, спросил рябого один из его «быков». – Молись, чмо, молись!.. – юродливо хихикнул он в лицо Льву.

– Охренел, что ль? – зло пролаял рябой, по-зэковски «шикарно» цикнув слюной из-под языка. – Успеется! Его корефан хочет проверить, жив ли этот фраерок, перед тем как отдать бабки. Пусть пока поживет. Кагор, когда тот козел кинет в окно сумку с бабками, сразу же его замочишь вот из этой пушки. – Рябой кивнул на «штайр», положенный им на стол.

– Крутая пушка! – восхищенно прицокнул языком Кагор, взяв в руки пистолет. – Слышь, Колян, я себе ее потом возьму. Лады?

– Куда возьмешь? – Рябой пренебрежительно хмыкнул. – Баклан! Ее мы вложим в руку этому фраерку, которого замочим из другой пушки. Ту сунем в руку его корефану. Вот и полу-

чится, что они меж собой чего-то не поладили, друг друга положили. С кем надо, в нашей ментовке раскурляю, чтобы все состряпали по уму. Дошло?

«Ублюдки! Мразь! – наблюдая за ними, мысленно оценил Гуров. – Каленым железом выжигать этих гнид... Кстати, как же они сюда попали? Вскрыли замки отмычкой или у них есть свои ключи? И как они могли выйти на эту квартиру? Ладно бы, проследили за мной от ресторана. Но они забрались сюда заранее. Кто их мог проинформировать? А что, если хозяйка квартиры – их сообщница? Постой, а не родственница ли она этому рябому? „Фасады“ у них очень уж схожие. Видимо, так и есть... Надо думать, я у них тут уже не первый и шайка это дело поставила на поток... Стас-то раскумекает ли, чего я ему там наморочил с английским? Он сейчас в Трофимовке. От села до Жукова езды около получаса, да пока найдет нужный адрес – еще уйдет время...»

– Что, фраерок, помирать страшновато? – закуривая и пуская дым в лицо Гурову, гоготнул рябой.

– Жить, конечно, хочется... – согласился Лев. – Но ты же в любом случае собираешься меня убить? Так что какой толк трястись? Жаль, не увижу, как ты сам будешь визжать и корчиться, когда тебя начнут резать на ленты. Ты что, себя самым крутым возомнил? Выше бога вознестись надумал? Зря... Ты себе даже не представляешь, на какие вилы напоролся.

Он специально завел этот разговор, чтобы выудить из этого самодовольного упырька побольше информации.

– Ты меня пугать собрался? – захохотился тот. – Да я таких, как ты, дешевок уже больше десятка на помойке схоронил. И ты там будешь. И дружок твой. Понял? Мы следов не оставляем.

– Не зарекайся... – Гуров впервые за все это время чуть заметно улыбнулся. – Как ни пыжись, выше головы не прыгнешь. Судьбу не обманешь и от нее не уйдешь. Я не ясновидящий, но у тебя на лбу четко прописано, что кончишь ты очень плохо.

– Уж не ты ль меня думаешь кончить? – осатанело затрясся рябой. – Укороти язык, а то я прямо шас, не дожидаясь назначенного срока, начну тебя свежевать. Когда я тут потрошил таких, как ты, собаки по всей округе выли!

– Нет, кончу тебя не я. – Гуров пренебрежительно поморщился. – Это сделает другой. Кто? Трудно сказать, но интуиция меня еще никогда не подводила. У тебя семья-то есть? Жена, дети?

– Не твое собачье дело, лошара долбаный! Чё, надеешься на моей родне отыграться? – свирепо зашипел рябой.

– По себе судишь? – Лев коротко рассмеялся. – Я на женщин, детей и стариков руку не поднимаю. Я другое хотел сказать. Ты говоришь, замочил больше десятка человек. Ну и чего ты этим достиг? На бабки, которые отнял у убитых, кутил в кабаках? Шлюх снимал? И это все, ради чего ты жил? Хочешь сказать, у тебя красивая жизнь? Фуфло это дешевое, а не жизнь. Семьи у тебя, я так понял, не было и нет. Ты ж даже не знаешь, помянет ли тебя хоть кто-то добрым словом... У тебя друзья есть? Не подельники, не кореша, а настоящие друзья? Нету... А вот мой друг Стас, будь уверен, сейчас делает все возможное, чтобы я остался жив. Ну а уж если ты меня убьешь, то поверь на слово: пожалеешь, что на свет появился. Так что грош цена всему тому понту, который ты тут раздуваешь. Хреново твое дело, Колян!

– Заткнись! – истерически взвизгнул рябой. – Хорош проповеди читать! Ты мне действуешь на нервы. Еще одно слово, и тебе – звиздец!

Гуров вдруг явственно увидел, что рябой отчаянно струсил и всеми силами старается сохранить хоть какой-то кураж. И причины того были яснее ясного. Те, кого бандит со своими подручными убивал до этого, скорее всего, были предельно деморализованы и до последней минуты своей безжалостно оборванной жизни униженно молили о пощаде. А «московский фраерок» и его друг неожиданно явили непонятную твердость духа. Это страшило.

«Быки» тоже заметно поскучнели. Оказываясь вне поля зрения главаря, они обменивались быстрыми, многозначительными взглядами, как бы о чем-то сговариваясь. Было похоже на то, что своим шакальим нутром они вдруг почуяли реальную опасность, исходящую от этого непонятного пленника, и начали подумывать – а не дать ли тягу, пока не поздно?

Медленно тянулись минуты... «Быки» угрюмо бродили по квартире, шарили в холодильнике, что-то пили, не чокаясь, как на поминках, чем-то с громким чавканьем закусывали. Нервно кривя и морща лицо, рябой продолжал расхаживать взад-вперед. Взяв со стола визитку Гурова и еще раз пробежав ее глазами, он неожиданно хлопнул себя по лбу.

– Постой, постой!.. – В его совиных, желтых глазах загорелся недобрый огонек. – Ты тут значишься как Андрей. А твой корефан назвал тебя Лево́й. Это что же, ты ффраерок с двойным дном? Слушай, так ты же легавый! Точно! Как пить дать – легавый! Колись, падло, если не хочешь, чтобы с тебя сейчас же заживо сняли шкуру!

– Прекрати истерику! – Лев выглядел совершенно спокойным. – Тебя интересует, почему так? Потому что я родился в начале августа, по знаку Зодиака – Лев. Вот друзья меня и зовут Львом в своем кругу.

– Кому ты уши трешь, мусор! Шкуру свою спасаешь?! – Рябой снова выхватил нож. – Ну, говори, падло, кто и зачем тебя сюда заслал? Считаю до трех. Если ты, сука, будешь отбрехиваться, я тебе выколю глаз. Потом – другой... Ну?! Один, два...

Неожиданно с грохотом и звоном битого стекла вылетела дверь балкона и из ночной темноты, как джинн из волшебного кувшина, в дверном проеме возник неизвестный крепыш в ветровке и джинсах, с пистолетом в руке.

– Всем на пол!!! – свирепо гаркнул он, подкрепив свой приказ бьющим в уши оглушительным хлопком выстрела.

Рябой, молниеносно схватив со стола «штайр», сделал вполне профессиональный кувырок и, стоя на одном колене, вскинул ствол в сторону неизвестного. Но тот его опередил. Всего на долю секунды. Пуля из ствола «макарова» опрокинула рябого на спину, чуть наискосок пробив его правый подвздох. Она пронизала печень, перебила крупную артерию и, войдя точно между позвонками, разодрала хрящевой диск и сплющила спинномозговой канал. Взыв от дикой боли, сравнимой разве что с муками ада, рябой опрокинулся на спину и судорожно задвигал ногами, словно крутил педали невидимого велосипеда. Несколько раз выгнувшись, он застыл с остекленевшими глазами и кривым оскалом прокуренных зубов. Его подручные, вовремя успевшие распластаться на полу, лежали, боясь шелохнуться.

– Фу-у-у!.. Кажется, успел вовремя, – утерев со лба пот, устало констатировал Крячко. – У тебя как, все в порядке? Ну и слава богу. Блин, спешил на пределе возможностей...

Быстро развязав Гурова, Стас подошел к «быкам» и проверил их карманы. У обоих обнаружались пистолеты, переделанные из газовых, и ножи с выкидными лезвиями.

– Что, брателлы, бабок срубить надумали? Ну, теперь они вам еще долго не понадобятся... И вообще, считайте, повезло вам, хлопцы. Не дай бог, хоть бы царапина была у моего друга, я бы вас голыми руками порвал на мелкие фрагменты. И ты, Лева, хорош... Днем, когда разговаривали, надо было сказать, где обосновался. Еще молодец, сообразил по телефону дать намек насчет адреса. А то бы...

– Стас! – Укоризненно рассмеявшись, Гуров с трудом встал, разминая затекшие конечности. – Я и собирался тебе это сказать – где эта улица, где этот дом... Однако ты куда-то так спешил, что оборвал разговор чуть не на полуслове. Я и заикнуться не успел, а ты уже дал отбой. А часа полтора назад позвонил, но ты почему-то оказался вне зоны приема сигнала. Так что претензии не ко мне.

– Да?.. – огорчился Станислав. – Хм... Вон оно что... А я, понимаешь, там как...

– ...белка в колесе, – дружелюбно подмигнув, закончил за него Гуров.

Но Стасу и в самом деле пришлось попотеть изрядно. Прибыв в Трофимовку в четвертом часу дня, он отправился в контору местного сельхозпредприятия. Как сообщили Стасу конторские работницы, их директор был на месте. И хотя тот куда-то (как догадался Стас) очень спешил, побеседовать с московским сыщиком время все же выкроил. По мнению директора, назвавшегося Эрвином Петровичем, и Степаныч, и Хомяков мужиками в общем и целом были нормальными. Хотя, случалось, и выпивали, но в пропойцах не числились никогда. Бывало, конечно, возвращаясь с поля, втихаря прихватывали с собой сумку-другую зерна, но завзятыми хапугами не были.

Их убийство породило в селе массу слухов и кривотолков. Местные всезнаи, до синяков колотя себя в грудь, утверждали, что комбайнеры нашли-таки сокровища, зарытые под холмом. Но драгоценности охраняло проклятие, которое падало на всякого, кто осмелился бы к ним прикоснуться. Потому-то мужиков и убили мафиозники, забравшие драгоценности себе.

– А вы-то что думаете по этому поводу? – уточнил Крячко.

– Ну, что я могу сказать? – Эрвин задумался. – Больше склоняюсь к этой версии. Дело тут вот в чем. Незадолго до случившегося Хомяков неожиданно попросил отгул на один день. И это в разгар уборочной! Я отказал. Тогда он расхотелся, раскипятился – я даже не ожидал такой реакции. Стал грозиться, что, если не отпущу, он из хозяйства немедленно уволится. Спрашиваю его: ну на кой тебе этот отгул? Говорит, надо к зубному – зуб болит, замучил. Предлагаю: давай на своей машине свожу и даже проведу без очереди к Ордынцеву – это наш лучший зубник. Он растерялся, замаялся и уже без всяких объяснений объявил: дай отгул и ни о чем не спрашивай. Мол, Степаныч и Васька с Жоркой втроем на двух комбайнах день отработают, как если бы вчетвером. Ну я согласился. Где он был тогда, я не знаю – то ли в Жукове, то ли в области. Но на другой день ходил такой возбужденный, такой весь из себя...

– Ну а в тот день, когда их убили, они чем занимались?

– Как мне уже потом рассказал комбайнер из их звена Злохин Вениамин, они прямо спозаранок куда-то уехали с поля на мотоцикле Хомякова. Обещали вернуться через пару часов. Но не вернулись и к обеду. И уже ближе к вечеру их чисто случайно нашли за посадкой, это вдоль дороги в сторону Жукова. Мотоцикл стоял там же. Они лежали на траве, уже начали коченеть. Районная милиция признала, что это они поссорились и застрелили друг друга.

– А как же объяснили отсутствие орудий убийства? – саркастически улыбнулся Станислав.

– Очень просто. Дескать, кто-то там побывал еще раньше и забрал оружие себе, – грустно усмехнулся Эрвин. – Бред, конечно, идиотский.

– С кем еще из работников хозяйства я мог бы поговорить?

– Можно с женой Хомякова. Она работает в детсаду воспитателем. Можно с Валентиной Баловой... Хотя нет, она куда-то уехала и до сих пор не вернулась.

– Уже возвращается. Она была у нас, в Главном управлении. Ездила в область, но ее там и слушать не стали. Она в Москву, в министерство, оттуда отфутболили к нам. Так что мы в данном случае крайние. Но я с ней согласен. Если ваш райотдел и в самом деле перестал мышей ловить, то его надо бы хорошенько перетрясти. Это не дело, потакать криминалу, не расследуя, как положено, даже очевидные убийства!..

– Еще можете поговорить с членами их звена. Они сейчас в поле, кончают убирать последний клин ячменя. Доехать-то в поле есть на чем?

– И есть, и нет... – Крячко досадливо махнул рукой. – В райотделе выделили такой рыдван, что сюда еле добрался. А сейчас он, похоже, совсем издох – не работает стартер, не дает заряда генератор... Думается мне, что это очень даже неспроста.

– Я бы и сам свозил вас в поле, но нужно срочно ехать в райсельхозуправление... – Эрвин развел руками. – Дежурные машины все в поле. Впрочем, есть вариант. Моего соседа Павла Грустнова попросите, он вас на своем «Урале» куда захотите повезет. Любит кататься до опу-

ния. Он у нас заведующим фермой работает. Можете ему сказать, что я разрешил отлучиться. Кстати, на ферме его сейчас и найдете. Вот только заправить придется за свой счет: у нас в хозяйстве с бензином полный зарез – только для уборочной и молоковоза.

– Это не проблема. Заправим! – кивнул Станислав.

Выйдя из конторы, он первым делом завернул в детсад, находившийся по соседству. Вдова Хомякова оказалась молодой женщиной, с выражением тоскливой безнадеги на милосердном круглом лице. Говорила тихо, как будто опасалась кого-то разбудить. По ее словам, муж о своих делах ей рассказывал редко. Особенно о том, что касалось чего-то ответственного. К женщинам Дмитрий относился с предубеждением, считая их неспособными хранить секреты в силу врожденного легкомыслия.

– Я не знаю, нашли ли чего они там со Степанычем? Домой ничего такого, похожего на драгоценности, он не привозил, – поправляя на голове темную косынку, грустно повествовала вдова. – Правда, недели полторы назад я заметила, что с поля он приехал какой-то не такой, как обычно. Я уж было заподозрила, что он закрутил любовь с Нинкой, поварихой на полевом стане. Она давно к нему липла. Но бабы сказали, что с Нинкой у него ничего такого нет. А что к чему, мне он так и не признался. Я уж к нему и так и этак... И, знаете, тем утром, как это все случилось, я как почувствовала, что вижу его в последний раз. У него мотоцикл никак не хотел заводиться. Тыркался он с ним почти полчаса. Потом, когда все же растолкал, как-то так неожиданно обернулся в мою сторону и рукой помахал. У меня аж сердце упало. И когда его нашли убитым, я даже не удивилась – как будто знала заранее...

– Скажите, – Стас тоже старался говорить, не повышая голоса, – а в тот день, полторы недели назад, он тоже ездил на работу на мотоцикле?

– Кстати, да... Так-то он обычно ездил со всеми на дежурке – «газоне» с будкой. А в тот день – точно, почему-то поехал на мотоцикле.

– И еще вопрос. Тогда же вы ничего странного в его рабочей одежде не заметили? Я имею в виду, когда он вернулся со смены?

– Да вроде ничего... Хотя нет! Он как будто в болоте где-то лазил – у него и на рубашке, и в волосах ряска была болотная. Я как-то так вскользь его спросила – откуда, мол, эта ботаника? Он в ответ буркнул что-то непонятное, и я больше расспрашивать не стала.

– А куда и к кому он ездил незадолго до смерти? Он, как мне сказали, брал на работе отгул.

– Да вроде зуб лечить... Я ж вам говорю – из него, случилось, и клещами слова было не вытащить.

– Тогда у меня к вам большая просьба. – Крячко для пущей убедительности выделил слово «большая». – Сейчас вам нужно будет пойти домой и осмотреть его одежду, в которой он ездил по делам.

– Ездил он в своем костюме. Только... В нем его и похоронили. – Вдова сокрушенно покачала головой.

– А карманы вы не проверяли? Меня интересуют автобусные билеты, магазинные чеки, какие-либо записные книжки...

– Карманы я вычищала от всякого мусора – в гроб-то как попало не кладут. Но все, что выгребла из карманов, выкинула в мусорное ведро. Вообще-то да, билет у него там был! И непохожий на те, какие у нас дают в автобусе, а как из кассового аппарата. Такие только на автовокзале выбивают. А ездил он – точно! – в область. Я еще тогда удивилась – чего это он с зубом поехал в такую даль? Вот... А записных книжек себе никогда не покупал. Все держал в голове.

– А у вас знакомые или родственники в областном центре проживают? Особенно те, кто занимался бы скупкой драгоценностей?

– Нет, таких не водится. Есть там двоюродные, троюродные... и то мы с ними почти не общаемся. Встречаемся очень редко, от случая к случаю, вот как в этот раз – приезжали к моему на похороны. А так...

– Ну что ж... Я вас все же попрошу осмотреть его рабочую одежду, какие-то заначки – ну, знаете же, как это бывает: кто в книжке что-то прячет, кто под крыльцом... И напишите мне самый полный список ваших родственников и знакомых, проживающих в областном центре. Я сейчас еду в поле, часа через два думаю вернуться. Заеду, заберу.

– Вы кого-то из них подозреваете? – Женщина встревоженно посмотрела на Станислава.

– Сами-то они, может, ни в чем и не виноваты, но, если Дмитрий ездил искать покупателя чего-то ценного, кто-то из них, пусть и невольно, мог для какой-то криминальной группировки сыграть роль наводчика.

Глава 3

До фермы, расположенной за околицей села, было недалеко, и Станислав минут за пятнадцать дошел до нее пешком. Там уже шла подготовка к вечерней дойке. Шагая по разбитому асфальту меж обветшалых животноводческих корпусов, Крячко вдыхал специфическую гамму запахов навоза, силоса и хлорки. Он выспрашивал у всех встречаемых, как ему найти заведующего Грустнова, но тот оказался неуловимым. Одни посылали Станислава «...во-о-н к тому телятнику», другие говорили, что Грустнов поехал на склад за цепями для привязи, третьи талдычили, что он где-то в кормокухне... Наконец пожилая телятница в застиранном синем халате и резиновых сапогах направила его в ветеринарную амбулаторию, где заведующий обсуждал с ветврачом хозяйства причины падежа теленка в ее группе.

Войдя в небольшое помещение, с атмосферой, навечно пропитанной запахами йода, дуста, ихтиола и карболки, Крячко увидел сидящих за столом, на котором стояли две тарелки с хлебом и помидорами, двух молодых мужчин. Оба держали в руках небольшие мензурки, наполненные чем-то прозрачным. Оживленно жестикулируя, они горячо спорили, обсуждая совершенно непонятные животноводческие темы. «Похоже, почившее теля поминают...» – мысленно резюмировал Крячко. Заметив незваного гостя, широколицый, темноволосый мужчина постарше, в мятом белом халате, удивленно поинтересовался, с оттенком недовольства в голосе:

– А вам кого?

– Мне нужен Павел Грустнов, – приятельски улыбнувшись, объявил Станислав.

Второй, помоложе, в синем халате, неохотно поставил свою мензурку на стол и объявил, глядя на незнакомца в упор:

– Ну я Грустнов. А вы кто и по какому поводу?

Крячко, сохраняя на лице все ту же приятельскую улыбку, продемонстрировал свое удостоверение и пояснил причины визита на ферму.

– Понятно, – со вздохом кивнул Павел. – Ну что ж, давайте поедем. Извини, Ген, теперь я тебе компанию составить не смогу – за руль придется сесть. Повезло вам, – обернулся он к Стасу, – еще немного, и я вам уже помочь не смог бы. Ладно, идемте ко мне. Мотоцикл дома – бензина только резерв, чтобы доехать до заправки.

После того как обшарпанный до голого металла бензобак древнего мотоцикла почти до краев заполнился бензином, Павел, подмигнув, объявил:

– Ну, при таком подходе к делу мы можем теперь заканделябровать кругосветку по всему району. Вперед!

Общими усилиями Станислав и Павел выкатили мотоцикл с небольшой частной автозаправки, оборудованной колонками времен едва ли не наполеоновского нашествия. Грустнов аккуратно нажал на педаль кикстартера, и «Урал» тут же затарахтел с характерным шелестящим посвистыванием. Стасу Павел предложил загрузиться в коляску, чтобы у мотоцикла был достаточно большой противовес при езде по разбитому проселку. Клацнула коробка передач, и, издав мощный рык, «Урал» лихо помчался по накатанной грунтовке, пролегшей между уже убранных полей. Подпрыгивая в мотоциклетной люльке, Станислав всем телом ощущал мощь хорошо отлаженного мотора, мчащего его по степи. В лицо бил шальной ветер, несущий ни с чем не сравнимый запах свежемолоченного жнивья.

Наслаждаясь полузабытыми ощущениями, Крячко вспоминал о том, как когда-то давно он сам, еще начинающий опер, получил в свое распоряжение такой же старенький «Урал»... Как колесил на нем по Подмоскovie, внося хаос и сумятицу в уже тогда достаточно хорошо организованную преступность. Боже, как давно это было! И как это все было здорово, черт побери!

Вырулив за густо разросшуюся лесополосу, мотоцикл помчался в сторону где-то далеко идущих по полю комбайнов. Из-за рева мотоциклетного мотора их гула не было слышно, но по стоящей стеной туче пыли было понятно – комбайны ведут обмолот. Промчавшись по половине периметра поля, Павел подрулил к стоящим у его дальнего конца нескольким грузовым машинам.

– Вовремя приехали, – сообщил он Станиславу. – Сейчас они сюда подойдут, станут выгружать зерно. Вот со Злохиным тут и можно будет потолковать.

Компания шоферов, о чем-то судачившая у бензовоза, с любопытством воззрилась на прибывших.

– Здорово, мужики! – Павел приятельски поздоровался со всеми за руку. – Как живем-можем?

Крячко, блюдя компанейский ритуал, проделал то же самое.

– А ты что это, с инспекторской проверкой? – хитро ухмыльнулся крупный водила в серой кепке с черной пуговицей на макушке. – Решил посмотреть, как идет заготовка кормов?

– Нет, я сегодня извозчик. Вот, вожу оперуполномоченного из Москвы, прибыл к нам разбираться с этой историей... Ну, насчет Степаныча и Димки Хомякова.

Шоферы с уважением и в то же время оценивающе молча обернулись к Крячко.

– Пока комбайны еще не подошли, я хотел бы побеседовать с вами, если не возражаете. – Стас решил время даром не терять. – Пожалуйста, припомните, может быть, кто-то видел что-то такое, что могло бы помочь нам выйти на след убийц? – закуривая, неофициальным тоном поинтересовался он.

– Тут сложность в том, что Димка был мужик очень скрытный, – пыхтя «беломориной», с оттенком досады в голосе заговорил старший по возрасту из водил в синем спецовочном костюме. – Он если что и делал, то хрен поймешь, куда и зачем поехал. Болтовни-то по деревне ходит много. Но что-то мне так кажется, правды там ни на грош. Вот, треплют, будто они на Ковыльном клад нашли...

– А что, Иваныч, разве это не так? – язвительно перебил его серая кепка.

– Так для того, чтобы чего-то там найти, надо было бы в том бугру целую шахту прокопать, – рассудительно объяснил ему Иваныч. – А когда они могли бы это сделать? В поле сутками, как и все. А поверху там вряд ли что лежит – миноискателями все как есть прошарено. Тут что-то другое...

– Но они туда ездили – это точно, – неожиданно вмешался в разговор парень послеармейского возраста в десантном камуфляже. – На позапрошлой неделе утром я ехал из Верховки, а они на Димкином «ижаке» перли в ту сторону.

– Хм... «В ту сторону»... – Иваныч с сомнением покачал головой. – На самом-то холме ты их не видел? То-то же... В том направлении много чего может быть.

– Кстати, а где-нибудь невдалеке от холма есть какой-нибудь водоем, типа, пруда, болотца? – внося новые ориентиры в разговор, поинтересовался Стас.

– Есть!.. Как не быть?! Имеется... – дружно закивали шоферы.

– Это еще с царских времен там было озеро. – С чуточку торжественным видом Иваныч пригладил усы, густо пронизанные сединой. – Был тут помещик Епифанов. Мне дед рассказывал, он за озером следил строго – мужики ежегодно целой артелью чистили его от ила, рыбу подкармливали... Там еще лет тридцать-сорок назад водился вот такой карась! – Иваныч щедро отмерил на предплечье. – А в последующие времена – кто бы за ним глядел? Вот и заросло камышом, обмелело, рыба сдохла. Там сейчас нет ничего, кроме лягвы да пиявок. А озеро то, и верно, аккурат у подножия холма, левее Сорочьей балки.

– Опа! Опа! – неожиданно вскинул палец серая кепка. – Вот в болотине той они чего-то и надыбали! Мой Федька с соседскими пацанами ходил в ту сторону корову искать, так они

видели следы у берега – кто-то всю грязь ногами измесил, и на берегу водоросль валялась. Вот они-то, как видно, туда и лазили.

– Так озеро – не холм, в нем и вовсе ничего не сыщешь! – Иваныч заметно начал горячиться. – Если туда чего кинуть – все, в ил засосет, во веки веков не найдешь!.. Про клад-то что говорили? Что он зарыт в могиле скифского царя. А кто ж царя в низине будет хоронить? Он под холмом, если только и в самом деле его там похоронили. Чепуху не городи!

– А куда мог поехать Хомяков, когда взял отгул? – Крячко вновь несколько изменил направление разговора.

– Говорил, к зубному... – пожал плечами парень в камуфляже.

– «К зубному»!.. – саркастично хохотнул серая кепка. – Это он людям зубы заговаривал. А сам, поди, ездил договариваться о продаже клада.

– А у вас в районе есть такие, кто занимается скупкой драгоценностей? – последовал еще один вопрос Стаса.

– Да где ж их нету? – вздохнул Иваныч. – Нынче они на каждом шагу.

– Да не на каждом, не на каждом!.. – теперь начал горячиться серая кепка. – Ездил он, скорее всего, в область. Там у него, я слышал, есть то ли родственник, то ли знакомый, который у каких-то мафиозников – свой человек. Вот ведь, в самом деле, времена настали! Раньше чем кичились? Если родня где-то в большом начальстве. А сейчас – если в мафии.

Тем временем, гудя и лязгая, к краю поля подошли шесть комбайнов. Шоферы тут же разошлись по своим машинам. Пропыленные комбайнеры и их помощники занялись выгрузкой зерна в кузова машин, осмотром цепей, ремней, жаток, копнителей и всего остального.

– Вон комбайн под номером десять. – Павел указал Крячко на крайний слева. – Это Веньки Злохина. Я ему сейчас скажу, чтобы он отправил на круг своего штурвального, а сам остался тут.

Грустнов подошел к старому (как и все остальные) комбайну сине-зеленого цвета, поднялся по железной лесенке к кабине и, открыв ее дверцу, заглянул внутрь. Вскоре подошел Вениамин Злохин. Он оказался нескладным, ширококостным мужчиной лет сорока двух, с беспокойно бегающими глазами. Поздоровавшись, сообщил, что обстоятельства убийства его товарищей по звену ему известны не более, чем всем остальным.

– Димка, он хитрый был и скрытный, – с долей затаенной обиды повествовал Злохин. – Я еще тем вечером понял, что у них какой-то калым наметился, а меня в долю они взять не захотели. Это недели две назад было. Может, чуть меньше – точно не помню. Уже ночью стали они среди поля и о чем-то начали договариваться. Я от них тот раз отстал – чистил барабан молотилки, а подъехал, они мне: да вот, ждем тебя. Ага! Только обо мне они и думали.

– Но как же здорово, что вы с ними в долю не вошли! – Крячко прицокнул языком. – Иначе могло бы получиться так, что мы с вами сейчас уже не беседовали бы. Вам так не кажется?

Похоже, до Злохина только сейчас дошла вся пагуба той ситуации, в которой оказались его товарищи. Вениамин остолбенело поглядел на Станислава и нервно закашлялся. Кажется, только сейчас он понял, как ему повезло.

– Хорошенько вспомните, что необычного было в тот вечер, когда они что-то обсуждали в поле, – попросил Станислав.

– Прямо все, все, все?... – Вениамин напряженно задумался. – Да ничего особенного не было. Мы на соседнем поле своим звеном косили ячмень. Так-то его надо бы на свал, для просушки. Но у нас техники мало, директор приказал гнать напрямую...

– Так, значит, вы косили. – Крячко остановил уход мысли своего собеседника в область полеводческих технологий и постарался направить ее в более подходящее русло. – И ничего приметного замечено не было.

– Хм... Ну если прямо всю хрень припомнить, то я, например, чуть зайца не задавил. Видимо, нажрался, задрых без задних ног в ячмене и проснулся, только когда жатка подошла к нему уже вплотную. Ага! Выскочил, остолоп, как мяч футбольный из-под мотовила, да как дал деру!

– Вот это уже предметнее, – одобрительно кивнул Станислав.

– А! Минут за десять до того, как я их догнал, вот в ту сторону что-то такое с неба навернулось. Метеорит, что ли? Ну так зашипело, что даже в кабине было слышно, и такая яркая полоса чиркнула прямехонько в сторону Сорочьей балки. Да! И на завтра утром Димка прикатил в поле на своем «ижаке». То ж он обычно ездил со всеми на вахтовке, а тут – припер, как фон-барон. На первый круг пустили своих штурвальных, а сами куда-то смылись. Сказали, что, мол, за водой к роднику – надоело пить эту ржавчину, которую нам из деревни в поле возят.

– Ну и что, привезли они воды?

– Привезли, только ездили больно долго. На «ижаке» за это время рейсов пять можно было бы сделать.

– А они, когда вернулись, как-то необычно не выглядели?

– Да чё-то какие-то они были взбудренные, как будто на собственной свадьбе погуляли. И у обоих на шее, на волосах кое-где ряска прилипла. Я допытываться не стал, а мне потом Жорка, мой штурвальный, рассказал, что вроде бы Димка возил Степаныча его вентера на Ужовке – это речка такая – проверять. Но вроде бы ничего путного там не поймалось.

– А вы как считаете, они действительно ездили на эту вашу Ужовку?

– Ну если считать по времени, то обернуться успели бы... Но мне так кажется, на Ужовке они не были. Скорее всего, ездили на Ковыльный. А что уж там делали – сказать не могу.

– А в тот день, когда их убили, что-то необычное замечалось?

– Ну только то, что Димка утром на поле опять прикатил на своем «ижаке». Взбудораженный такой ходил, все со Степанычем о чем-то шушукался. А Степаныч, наоборот, смурной приехал, как будто чувял чего...

Крячко поблагодарил Злохина за рассказ и вновь загрузился в люльку. «Урал» с небольшой пробуксовкой стартовал и помчался по полевой дороге в сторону Сорочьей балки. Выйдя на склон Ковыльного, Павел переключился на вторую передачу и прибавил газку. Победоносно рыча мотором, мотоцикл без натуги взлетел на изрытую ямами и канавами вершину холма. Отсюда открывался вид на много километров в разные стороны. Заглушив двигатель, Павел огляделся.

– Смотрите, Станислав Васильевич, – указал он на ту сторону склона, по которой они только что поднялись, – вон еще чьи-то следы. И как пить дать, мотоцикла с коляской. О! А вон и место, где они стояли.

В нескольких метрах от них и впрямь уже сохнувшая степная трава была примята мотоциклетными колесами. Тут же были различимы и следы чьих-то ног.

– Да, похоже, здесь кто-то побывал... – согласился Стас. – И не исключено, именно те, кто нас интересуется. Так, а вон в той стороне, как я понял, то самое заболоченное озерцо, где когда-то водились вот такие караси...

– Да, это оно... – подтвердил Павел. – Пойдемте посмотрим – вдруг что интересное подвернется?

Они стали спускаться в сторону озерца по более крутому склону холма, изобилующему следами работы археологов и искателей кладов.

– Кладоискатели понарыли... – пояснил Павел. – Кого тут только не было! И студенты, и жулики, и наши местные алкаши, и какие-то крупные мафиозники...

– Стоп! – неожиданно скомандовал Крячко. – А вот это уже не следы кладоискателей!

Он указал на не очень длинную, довольно глубокую борозду метрах в тридцати от них, почти у подножия холма. Подойдя ускоренным шагом к загадочной борозде, Станислав осмотрел ее от начала до конца, обратив внимание на уже размытый недавним дождем желтовато-красный суглинок, выброшенный из борозды в разные стороны.

– И что бы это могло быть? – Павел озадаченно склонился над бороздой. – Похоже на то, как будто сюда плюхнулся неразорвавшийся вертолетный НУРС... Я служил в ВВС – что-то наподобие видеть доводилось. Но, во-первых, тут у нас военные вертолеты сроду не летали, тем более стрельбы не производились. Да если бы такое и случилось, назавтра же об этом знала бы вся деревня.

– Это не НУРС, это тот самый метеорит, падение которого видел Злохин, – выпрямляясь, пояснил Станислав. – Но это явление могли видеть и его ныне усопшие коллеги.

– Точно, Станислав Васильевич! – Павел азартно рубанул кулаком. – Никакой клад они и не искали. Они поехали искать метеорит, чтобы на этом срубить бабок. Эта же хреновина, я слышал по телику, иной раз стоит бешеных денег.

– И, следует понимать, нашли. Себе на беду, – задумчиво констатировал Крячко. – Метеорит, скорее всего, падал по касательной, здесь чиркнул по склону, отрикошетил и полетел в сторону этого водоемчика. Вот поэтому-то они и были облеплены ряской. Ну, все, можно ехать в село. Там нужно будет подъехать к дому Хомяковых, кое-что забрать. Кстати, просьба: о том, что мы узнали, увидели, лучше особо не распространяться.

– Станислав Васильевич, это само собой! – авторитетно уведомил Павел.

В уже сгущающихся вечерних сумерках мотоцикл помчался к Трофимовке. Над сжатými полями неспешно кружились стаи грачей, жирующих перед скорой отправкой в более теплые края. Промчавшись вдоль просяного поля, мотоцикл пробежал по плотине, за которой плескался широкий пруд, полукругом огибающий Трофимовку. Через минуту он катил по сельским улицам, где уже светились окна домов. Подрулив к кирпичному дому со свежевыкрашенной суриком железной крышей, Павел кивнул в его сторону:

– Вот здесь он жил, Димка Хомяков...

Видимо, услышав рокот мотоцикла, из дома вышла вдова Хомякова, держа в руке сложенный вдвое лист бумаги.

– Возьмите, Станислав Васильевич, – подойдя к калитке, все так же тихо сказала она. – Переписала всех, кого вспомнила. Тут и адреса, и кое-чьи телефоны. Только вот не знаю, все ли так на самом деле, как написано, – кто-то мог сменить адрес, переехать. Да, одежду я осмотрела, там – ничего...

Станислав быстро пробежал взглядом по списку, поблагодарил женщину и, едва шагнув к мотоциклу, неожиданно снова повернулся к ней.

– А вы не припомните, кто из этого списка... ну... Мне сейчас в поле один ваш односельчанин сказал, что у Дмитрия в областном центре проживает какой-то то ли родственник, то ли знакомый, который связан с криминалом. Вы об этом человеке знаете?

– Нет, первый раз слышу... – Женщина удивленно пожала плечами. – Мне кажется, какие уж они ни есть, но с мафией связаны вряд ли.

– А у вас на похоронах никто не фотографировал? У вас нет общего снимка тех, кто участвовал в поминках?

– Да, снимки есть... – Женщина быстро сходила в дом и протянула Крячко несколько цветных фотографий, сделанных, судя по всему, обычной «мыльницей». – Ой, вы знаете, вот что еще вспомнила. Мой, перед тем как поехать в область, зачем-то в поле брал с собой фотоаппарат.

Стас дотошно выяснил, кто из попавших в кадр местные жители, а кто родня из областного центра. Затем, сверив список с теми, кто приезжал на поминки, он забрал все фотографии, пообещав вернуть их по почте. Павел снова вырулил на разбитый асфальт сельской улицы и

помчался в сторону конторы хозяйства. Но у ее ворот никого не оказалось – «уазик» бесследно исчез. Мальчишки, гонявшие неподалеку мяч под уличным фонарем, сообщили, что полчаса назад машину куда-то уволокли буксиром. Плюнув и помянув техническую базу райотдела не вполне литературным словом, Станислав стоял, в раздумье сунув руки в карманы.

– Станислав Васильевич, вам что, в район ехать не на чем? – недоуменно спросил Павел. – Так давайте я вас доведу до Жукова. Что за проблема?

– Ну что ж, если не в тягость – поехали... Кстати, Паш, в свое время я был мотогонщик, как это называют, «без башни». Но, смотрю, ты меня переплюнул по этой части. Хочешь, дам координаты одной столичной рокерской команды? Я их хорошо знаю, ребята – хоть куда. У них каждую осень перед завершением сезона бывают гонки по пересеченной местности на тяжелых мотоциклах. Ты бы на своем раритете потянул. Правда, от вас туда ехать путь не близкий...

– Да путь – это ерунда... – Павел пренебрежительно махнул рукой. – А насчет команды рокеров – было бы здорово. Я об этом уже задумывался, но насчет информации хреново. У нас в Жукове есть несколько человек, но это пацанята, которые форсят на «Явах». В области нашел что-то вроде клуба, но там одни пухломордые, на «Харлеях». Им такая деревня, как я, и на хрен не нужна... Так что я бы с удовольствием!..

– Свет включи. – Крячко достал из кармана блокнот и авторучку. – Я сейчас напишу адрес и контактный телефон тоже Паши, только Хорольского, это как бы председатель их клуба... У тебя несомненный талант, и зарывать его было бы большим грехом.

Он подошел к фаре, но в этот момент дал о себе знать его сотовый. Это был звонок Льва... Указав знаком Павлу, чтобы тот держал телефон у его уха, в свете фары он записал «код сейфа», который продиктовал Гуров, после чего достаточно жестко поговорил с главарьком.

– Станислав Васильевич, что-то случилось? – встревоженно спросил Павел.

– Мой друг в Жукове попал в серьезную переделку. Ему требуется срочная помощь... – Стас стоял в луче света, внимательно изучая записанное им под диктовку. – Паш, у вас тут есть кто-нибудь владеющий английским языком?

– Ну так, школьная учительница, Светлана Александровна. – Павел пожал плечами. – Давайте доедем до нее. Она сейчас должна быть дома.

Мотоцикл сорвался с места и снова полетел по улицам Трофимовки. Остановившись у небольшого деревянного домика с красивыми резными наличниками, Павел заглушил мотор и, войдя во двор, постучал в окно. На крыльцо вышла девушка в светлом платье, с жакетом, накинутым на плечи.

– А, Паша! – В ее голосе чувствовалась нескрываемая радость. – Заходи, заходи...

– Свет, тут такое дело... – озабоченно заговорил Павел. – Требуется помощь. Тут... – Он перешел на полупшепот, о чем-то быстро ей рассказав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.